

О влиянии Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. на правоприменительную практику государств — членов ЕАЭС

Пастущик А. В.

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель исследования заключается в объяснении причин неоднозначности восприятия российскими судами Консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. Для этого автор подробно анализирует фактические обстоятельства дела, правовые основания вынесения указанного консультативного заключения и его содержание, а также предпринимает попытку определить правовую природу и действительную юридическую силу данного судебного акта.

Методология. Основу методологии исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, исторический и системный), так и частно-научные (формально-юридический и сравнительно-правовой) методы. Данные методы применялись при работе с источниками права и правоприменительными актами Евразийского экономического союза, его государств-членов, отечественной и зарубежной доктриной. **Результаты.** Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. принято с соблюдением его субъектной и предметной юрисдикции, содержит официальное толкование норм права Евразийского экономического союза и имеет целью обеспечение их единообразного применения, а также способно оказать помощь в разрешении конкретного спора. Указанное консультативное заключение не принято во внимание национальными судами по причине его формально рекомендательного характера. **Выводы.** Правовая природа консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза не совпадает с правовой природой решений по преюдициальным запросам по ряду процессуальных, субъектных и формальных причин. Правовые позиции из Консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. на момент разбирательств в российских судах действовали как обыкновения, исполнение которых добровольно. Они не трансформировались в международно-правовые обычаи, поскольку государствами не было выражено признание их обязательности.

Ключевые слова: консультативное заключение, Суд ЕАЭС, преюдициальный запрос, обыкновение, международно-правовой обычай

Для цитирования: Пастущик А. В. О влиянии Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. на правоприменительную практику государств — членов ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 124–133. EDN: YMTUGK

About the Effect of the EAEU Court's Advisory Opinion Dated March 28, 2024 in the Law Practice of the EAEU Member States

Anastasia V. Pastushick

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

ABSTRACT

Aim. The purpose of the research is to explain the reasons of the ambiguity of the Russian courts' perception of the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union dated March 28, 2024. The author describes in details the factual circumstances of the case, the legal grounds for issuing the said advisory opinion and its content, and attempts to determine the legal nature and actual legal force of this judicial act. **Methods.** The research methodology is based on both general scientific methods: analysis, synthesis, historical and systematic, as well as private scientific methods: formal legal and comparative legal. These methods were used when working with sources of law and law enforcement acts of the Eurasian Economic Union, its member states, domestic and foreign doctrine. **Results.** Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union dated March 28, 2024 was adopted in compliance with subject and material jurisdiction contains an official interpretation of the law of the Eurasian Economic Union and aims to ensure their uniform application, is able to help in resolution of concrete dispute. This advisory opinion was not taken into account by the national courts because of its formally recommendatory character. **Conclusions.** The legal nature of the advisory opinions of the Court of the Eurasian Economic Union does not coincide with the legal nature of decisions on prejudicial requests due to a number of procedural, subjective and formal reasons. The legal positions from the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union dated March 28, 2024 at the time of the proceedings in the Russian courts acted as usage, the execution of which was voluntary. They have not been transformed into international legal customs due to the lack of recognition by States of their binding nature.

Keywords: advisory opinion, EAEU Court, reference for a preliminary ruling, usage, international legal custom

For citation: Pastushick A. V. About the Effect of the EAEU Court's Advisory Opinion Dated March 28, 2024 in the Law Practice of the EAEU Member States // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 124–133. (In Russ.) EDN: YMTUGK

Введение

Данные официального сайта Суда Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС, Суд Союза), приведенные по состоянию на начало апреля 2026 г., позволяют наблюдать тенденцию к увеличению числа запросов на вынесение консультативных заключений по различным вопросам права Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз). Если в 2016 г. в Суд ЕАЭС было подано всего три таких заявления, то спустя девять лет, в 2025 г., их количество утроилось¹. Заинтересованность в консультативных заключениях Суда ЕАЭС констатирует оценку их в качестве реальных и эффективных инструментов воздействия на функционирование интеграционного и национальных правопорядков. Органы Союза и его государства-члены в большинстве случаев охотно прислушиваются к консультативным заключениям Суда ЕАЭС, несмотря на их формально рекомендательный характер: вносят на их основе дополнения и изменения в свои нормативные правовые акты, цитируют в актах высших судов. Такая практика демонстрирует некоторую парадоксальность, но соответствует общим тенденциям развития сферы международного правосудия. Однако встречаются и консультативные заключения Суда ЕАЭС, воспринимаемые неоднозначно. Крайне редким, но реальным примером тому является Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г., анализу которого посвящена настоящая статья².

¹ Официальный сайт Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://courteurasian.org/> (дата обращения: 15.04.2026).

² Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28.03.2024 по делу № P-2/24 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 17.03.2026).

Ratione personae консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС

Предметом разъяснения Большой коллегии Суда ЕАЭС в деле № Р-2/24 стали нормы п. 53 и п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС¹. Заявление о разъяснении было подано в Суд ЕАЭС в январе 2024 г. одним его бывшим и двумя действующими сотрудниками на основании п. 46 Статута Суда ЕАЭС².

На настоящий момент заявление по делу № Р-2/24 является единственным случаем в практике Суда ЕАЭС, когда одним из заявителей выступил уже бывший на момент его подачи сотрудник Суда. Однако это не создало препятствий при установлении Судом Союза *ratione personae* своей консультативной юрисдикции несмотря на то, что норма п. 46 Статута Суда ЕАЭС напрямую не конкретизирует, вправе ли инициировать запрос бывшие сотрудники и должностные лица органов Союза. Неопределенность была устранена Постановлением о принятии заявления к производству от 30 января 2024 г.: предусмотренное п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС «право на пенсионное обеспечение должностных лиц и сотрудников органов Союза является неотъемлемой частью правового статуса их как международных служащих» и сохраняется после прекращения ими трудовых правоотношений³. Интересно и то, что в данном случае процессуальный, «промежуточный» по сущности акт является источником ценного судебного толкования нормы права Союза, которое может быть неоднократно применено в будущем.

Причины направления в Суд ЕАЭС заявления на разъяснение норм права Союза

29 декабря 2017 г. один из заявителей (далее — заявительница) уволился из Суда ЕАЭС. Суммарный период работы в Суде ЕАЭС составил 2 года 1 месяц 28 дней. В феврале 2023 г. Судом Союза в Минтруд России был направлен комплект документов для признания за заявительницей права на предусмотренную п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС пенсию за выслугу лет и ее назначение. Минтруд России на это вынес решение об отказе, сославшись на недостаточность периода замещения заявительницей должностей в Суде ЕАЭС. Камнем преткновения в данном деле стал тот факт, что на момент увольнения заявительницы из Суда ЕАЭС редакция п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС содержала требование о замещении должностей в органах Союза на протяжении не менее двенадцати месяцев перед увольнением, а на момент обращения за назначением пенсии редакция указанного пункта была изменена: требование к указанному периоду было увеличено до минимальных трех лет.

Заявительница обжаловала отказ Минтруда России в Тверском районном суде города Москвы, ссылаясь в своем исковом заявлении на применение Минтрудом России неверной редакции п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС. Она считала, что право на пенсию за выслугу лет у нее возникло в момент увольнения и должна применяться актуальная на тот момент редакция нормы, предусматривавшая требование к минимальному периоду замещения должностей в органах ЕАЭС в размере двенадцати календарных месяцев. Использование Минтрудом России новой редакции нормы стало нарушением запрета на придание обратной силы регулированию, ухудшающему положение лица. В дополнение к этому в ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. указано, что «за лицами, приобретшими право на пенсию за выслугу лет по п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС и освобожденными от должностей в ЕЭК или Суде Союза до даты вступления в силу Протокола от 24 марта 2022 г. ... сохраняется право на такую пенсию без учета изменений требуемой продолжительности стажа государственной граждан-

¹ Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 (в ред. от 25.05.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 17.03.2026).

² Там же.

³ Постановление о принятии заявления к производству от 30.01.2024 по делу № Р-2/24 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.24/ (дата обращения: 19.03.2026).

ской службы»¹. Минтруд России же указал на отсутствие оснований для назначения пенсии, потому что российским законодательством не предусмотрены должность «исполняющий обязанности консультанта» или ее соответствие какой-либо другой должности федеральной государственной гражданской службы, а ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. для определения необходимого периода замещения должностей в органах ЕАЭС не применяется. В октябре 2023 г. Тверской районный суд г. Москвы встал на сторону Минтруда России и подтвердил правомерность его решения об отказе².

Ответной реакцией заявительницы на решение Тверского районного суда города Москвы стала подача апелляционной жалобы, после чего в оперативные сроки было подготовлено и направлено в Суд ЕАЭС заявление о разъяснении действия п. 53 и п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС. По итогам всестороннего анализа фактических обстоятельств и обозначенных в заявлении норм права 28 марта 2024 г. Суд ЕАЭС вынес Консультативное заключение.

Содержание Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г.

Структура Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. представлена четырьмя разделами: «Вопросы заявителей и обстоятельства дела», «Процедура в Суде», «Выводы Суда» и «Заключительные положения». Перед непосредственным изложением правовых позиций по предмету разъяснения в третьем разделе «Выводы Суда» Суд ЕАЭС подтвердил *ratione materiae* своей консультативной юрисдикции в данном деле: основой возникновения правоотношения по предоставлению должностному лицу или сотруднику органа ЕАЭС пенсионных гарантий является установление его трудовых отношений с таким органом; статус должностного лица или сотрудника органа ЕАЭС как международного служащего включает пенсионные гарантии, как и любые иные социальные гарантии, привилегии и иммунитеты, предусмотренные Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.

Изложенные в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. правовые позиции содержат результат толкования норм права ЕАЭС применительно не только к конкретным фактическим обстоятельствам, но и к «актуальным вопросам общего порядка» — вопросу о соотношении права ЕАЭС и законодательства его государств-членов при регулировании пенсионных гарантий международных служащих Союза. Расширение Судом ЕАЭС в данном случае сферы толкования служит подтверждением имеющихся в юридической доктрине мнений о том, что при реализации консультативной компетенции международные суды вправе выходить за пределы запросов, давать толкование *in abstracto* [1, с. 179; 9, с. 80; 11, с. 181].

По существу обозначенных заявителями вопросов Большая коллегия Суда ЕАЭС представила следующие разъяснения. Нормы п. 53 и п. 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС предполагают обеспечение государствами — членами Союза соответствия их законодательства и правоприменительной практики в сфере пенсионных гарантий международных служащих Союза праву ЕАЭС. Нормативное регулирование предоставления таким лицам пенсионных гарантий является прерогативой ЕАЭС.

Норма п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС обладает прямым действием, право на пенсию за выслугу лет федеральным государственным гражданским служащим приобретает в момент наступления всех закрепленных в данной норме материально-правовых условий. Протокол от 24 марта 2022 г., увеличивающий требование к обязательному периоду замещения должностей в органах ЕАЭС, специальных положений об обязательности применения изменений к возникшим до их принятия правоотношениям не содержит. Прежняя редакция п. 53 Положения

¹ Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 (в ред. от 25.05.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 19.03.2026). {(Протокол о внесении изменений в Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 в части пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза, являющихся гражданами Российской Федерации, от 24.03.2022 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 04.10.2022, 3/3942. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=F72200170> (дата обращения: 20.03.2026).

² Решение Тверского районного суда от 31.10.2023 по делу № 02-4594/2023 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/aca91471-4b21-11ee-a9a3-352c3040d4b4?participant=6рынова/> (дата обращения: 20.03.2026).

о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС сохраняет свое действие при определении приобретения заявительницей права на пенсию за выслугу лет.

Суд ЕАЭС признал равнозначными понятия «замещение должности» и «занятие должности», а также «период работы» и «период замещения». Он указал на необходимость включения периода работы в органах ЕАЭС в общую продолжительность стажа федеральной государственной гражданской службы должностных лиц и сотрудников из РФ. Ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. предполагает сохранение права на пенсию за выслугу лет и без учета изменений требуемой продолжительности периода замещения должностей в органах Союза. Период работы в Суде ЕАЭС в качестве «исполняющего обязанности» также подлежит включению в стаж федеральной государственной гражданской службы, так как соблюдены все условия: у заявительницы имеется трудовой договор (контракт) с Судом ЕАЭС, она выполняла соответствующую должности трудовую функцию, Суд ЕАЭС осуществлял отчисление страховых взносов в Фонд пенсионного и социального страхования РФ.

Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. подкрепило позицию заявительницы, изложенную в исковом заявлении. Отсутствие особых мнений свидетельствует о единогласии судей Суда ЕАЭС при толковании норм. Однако последующее развитие событий выявило скептичность отношения национального правоприменителя к данному консультативному заключению и институту консультативной юрисдикции в целом.

Восприятие Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г.

Суд апелляционной инстанции не принял Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. во внимание по причине его рекомендательного характера и, более того, счел изложенное в нем толкование ст. 106.1 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. неверным¹. Второй кассационный суд общей юрисдикции отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение, ссылаясь на позиции Конституционного Суда Российской Федерации «о сохранении ранее приобретенных прав на пенсию в соответствии с условиями и нормами законодательства, действовавшего на момент приобретения права», довод прокурора о нарушении судами нижестоящих инстанций принципа обратной силы и необходимость установления судом юридически значимых обстоятельств в виде наличия у заявительницы достаточных стажа федеральной государственной гражданской службы и периода замещения должности в Суде ЕАЭС². Акт Суда ЕАЭС не упомянут в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции и актах после пересмотра, но согласие с толкованием Суда ЕАЭС в них прослеживается.

Судья анализируемого дела приводит к необходимости исследования правовой природы консультативных заключений Суда ЕАЭС.

Сравнение правовой природы консультативных заключений Суда ЕАЭС и решений по преюдициальным запросам

Суд Евразийского экономического сообщества (далее — Суд ЕврАзЭС, Суд Сообщества), предшественник Суда ЕАЭС, в силу п. 3 ст. 13 Статута Суда ЕврАзЭС был наделен компетенцией по вынесению консультативных заключений рекомендательного характера «по запросам государств — членов ЕврАзЭС, их высших судебных органов, Межгосударственного Совета, Межпарламентской Ассамблеи и Интеграционного Комитета ЕврАзЭС» («абстрактный нормоконтроль»)³. Отличительным моментом было наделение Суда ЕврАзЭС компетенцией по преюдициальному толкованию норм права Таможенного

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.07.2024 по делу № 33-24245/2024 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/2d18c5c0-1777-11ef-abcb-0f4db69112a8?participant=%D0%B1%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 20.03.2026).

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2024 по делу № 88-28239/2024 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=13491334&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 25.03.2026).

³ Статут Суда ЕврАзЭС от 05.07.2010 (в ред. от 10.10.2011) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902279047?ysclid=mo0gew9b4q243435012/> (дата обращения: 26.03.2026).

союза по запросам высших судов его государств-членов. Запрос был обязанностью, если решение национального суда не подлежало обжалованию (на практике обязанность относилась к судам надзорной инстанции и конституционным судам государств — членов Таможенного союза), или правом — в обратной ситуации¹. Неаделение Суда ЕАЭС компетенцией по преюдициальному толкованию стало реакцией государств на вынесенное по преюдициальному запросу Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь Решение Суда ЕврАзЭС от 10 июля 2013 г.² А. С. Исполинов видит в данном Решении проявление «судебного активизма» вследствие попытки Суда ЕврАзЭС «сделать из своего ответа норму права» о юридической силе и действии его преюдициальных заключений [2, с. 47].

Сегодня в отечественной литературе встречается мнение о том, что отсутствие у Суда ЕАЭС компетенции по преюдициальному толкованию права Союза частично компенсируется его консультативной компетенцией [13, с. 124]. Обеим компетенциям присущ ряд общих характеристик: потребность в разъяснении сути нормы права, корреляция интеграционной нормы права и ее правоприменения национальным судебным органом, стремление защиты субъективных прав хозяйствующих субъектов на основе обеспечения единообразного правоприменения. Также практика демонстрирует высокий процент исполнения консультативных заключений Суда ЕАЭС.

Но есть и отличительные черты. Основанием преюдициального запроса служит только конкретный рассматриваемый национальным судом спор, консультативные заключения же выносятся и в отсутствие таких споров. При направлении преюдициального запроса производство по делу в национальном суде приостанавливается; направление запроса на вынесение консультативного заключения подобным механизмом не сопровождается. Круг субъектов, обладающих правом по направлению преюдициального запроса, и круг субъектов, уполномоченных направлять запросы на вынесение консультативных заключений, разнятся, однако формально в силу п. 49 Статута Суда ЕАЭС государства — члены Союза могут наделить вторым и свои судебные органы [3, с. 226]. Решения по преюдициальным запросам окончательны и обязательны, в то время как консультативные заключения в силу п. 98 Статута Суда ЕАЭС обладают лишь рекомендательным характером и потенциально могут не учитываться, как это продемонстрировала на практике ситуация с Консультативным заключением Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. — отмена решения суда первой инстанции и апелляционного определения обоснована ссылками на позиции Конституционного суда РФ. Орган международного правосудия может быть одновременно наделен компетенцией по преюдициальному толкованию и консультативной компетенцией (как в случае Суда ЕврАзЭС). Таким образом, правовая природа решений по преюдициальному запросу не тождественна правовой природе консультативных заключений.

Консультативные заключения Суда ЕАЭС, обыкновения и международно-правовые обычаи

Изложенные в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. правовые позиции направлены на достижение Судом ЕАЭС одной из его главных целей — обеспечения единообразного применения норм права Союза [10, с. 160]. О реализации данной цели в случае конкретного консультативного заключения возможно говорить при условии ликвидации Судом ЕАЭС двусмысленности толкования определенной нормы права Союза и наличия фактов следования данному толкованию. Соблюдение первого условия устанавливается при анализе содержания третьего раздела Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г.: устранение неясности относительно момента приобретения права на пенсию за выслугу лет по п. 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС; устранение неясности относительно применимой к конкретным правоотношениям редакции указанного пункта в свете соблюдения общеправовых принципов; устранение неясности относительно объемов понятий

¹ Мысливский П. П. Суд Евразийского экономического союза: история создания, правовое регулирование деятельности и судебная практика : учебное пособие. М. : РГУП, 2020. С. 14.

² Решение Суда ЕврАзЭС от 10.07.2013 по делу № ЕврАзЭС — 1-6/1-2013 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Суда ЕАЭС. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eurazes/1-6.1-2013/ (дата обращения: 28.03.2026).

«замещение должности» и «занятие должности», «период работы» и «период замещения»; устранение неясности относительно включения в стаж федеральной государственной гражданской службы периода работы в органах Союза, в том числе в качестве «исполняющего обязанности»; устранение неясности относительно сути обязательств государств — членов ЕАЭС по имплементации пенсионных гарантий должностных лиц и служащих его органов.

Установление соблюдения второго условия осложняется отсутствием в открытом доступе правоприменительных актов органов государств — членов Союза, обладающих полномочиями по признанию пенсионных прав и назначению пенсий, и отсутствием на настоящий момент в доступной практике судов государств — членов Союза соответствующих фактов. К выводу о несоблюдении (или «недостаточном» соблюдении) второго условия приводит и то, что ни одна из инстанций напрямую не сослалась на изложенные в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. правовые позиции, а применение в новых актах судов первой и апелляционной инстанций к определению наличия у заявительницы права на пенсию материально-правовых условий его приобретения из законодательства, действовавшего на момент такого приобретения, подкрепляется позицией Конституционного Суда РФ, а не Суда ЕАЭС. Представители заявительницы неоднократно на судебных заседаниях подчеркивали необходимость учета национальными правоприменителями консультативных заключений Суда ЕАЭС как таковых и в качестве подкрепления своей позиции фактами использовали и ранее вынесенные акты тех же судов, и акты Верховного Суда РФ^{1, 2}. Однако это учтено не было.

По мнению Т. Н. Нешатаевой, судебные позиции, изложенные в актах рекомендательного характера, действуют как не относящиеся к источникам международного права обыкновения и предполагают добровольность следования им [7, с. 57]. Нарушения обыкновений есть «недружественные акты», которые могут повлечь лишь морально-этическую ответственность [8, с. 144]. В случае с Консультативным заключением Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. это может быть выражено в форме порицания поведения суда в связи с выразившимся в таком поведении нивелированием авторитета органа международного правосудия, вынесшего консультативное заключение. Однако, как пишет И. И. Лукашук, именно на основе обыкновений формируется большая часть международно-правовых обычаев [4, с. 59]. В случае с консультативным заключением содержание обыкновения составляет правило поведения, ставшее результатом толкования уже существующей нормы. После признания государствами обязательности такого правила (формирование элемента *opinio juris*) оно становится международно-правовым обычаем [14, с. 144]. Отсутствие же элемента *opinio juris* оставляет правило в категории обыкновений, обладающих лишь рекомендательным характером.

По утверждению Л. Оппенгейма, о формировании *opinio juris* и трансформации правила поведения из обычая в обыкновение свидетельствует не любая практика его применения государствами, а только четкая, единообразная и убеждающая в отношении государств к такому правилу как к обязательной норме международного права [15, р. 22–23]. Консультативные заключения Суда ЕАЭС могут способствовать формированию *opinio juris* государств — членов Союза в отношении разъясняемых в них норм и их толкования [6, с. 86]. Практика указывает на следующие способы формирования *opinio juris*: принятие государством — членом Союза нормы в судебном прочтении в качестве новой нормы своего национального законодательства, внесение государством — членом Союза изменений в свое действующее законодательство на основании сформулированного Судом ЕАЭС правила или подтверждение такого правила в акте национального конституционного суда [5, с. 44]. Отнесение же к способам формирования *opinio juris* подтверждения правила в актах иных национальных судов спорно — соответствует ли такая практика обозначенным Л. Оппенгеймом критериям четкости и убедительности? Если акты Верховного Суда РФ или аналогичных по положению национальных

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 19.07.2022 по делу № 33-20457/2022 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/ae021280-e011-11ec-987e-d37aea1a3add?caseNumber=33-20457/2022> (дата обращения: 02.04.2026).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2020 № 303-ЭС20-816 по делу № А51-24425/2018 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=632353&ysclid=mo0hm6kqdn619623799#zbaOtgVkgAUO4H3N/> (дата обращения: 02.04.2026).

судов других государств — членов ЕАЭС могут свидетельствовать о выполнении критерия убедительности ввиду невозможности дальнейшего обжалования таких актов (однако судебный прецедент в Российской Федерации официальным источником права не является), то в случае с актами судов нижестоящих инстанций это сомнительно — такие акты могут быть легко отменены вышестоящими судами.

Правовые позиции Суда ЕАЭС из Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. на момент написания настоящей статьи не приобрели юридическую обязательность. Ни один из вышеперечисленных способов формирования *opinio juris* в отношении них не реализовался. Приведенные представителями заявителя факты учета Тверским районным судом города Москвы и Верховным Судом РФ консультативных заключений Суда ЕАЭС доказательством формирования *opinio juris* правовых позиций из Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. также не являются по ряду причин. Во-первых, там упомянуты иные консультативные заключения Суда ЕАЭС. Во-вторых, отнесение актов судов нижестоящих инстанций к источникам подтверждения *opinio juris* сомнительно. Но данные акты и были представлены в качестве доказательств другого — необходимости учета национальными судами любых инстанций консультативных заключений Суда ЕАЭС в принципе как таковых. В. Л. Толстых в своих трудах пишет про существование консенсуса субъектов международного права относительно юридической обязательности консультативных заключений органов международного правосудия как органов, обладающих высоким авторитетом и гарантов единообразия применения норм международного права. Он даже упоминает потенциальное существование соответствующего международно-правового обычая, однако тут же это критикует: такой обычай будет означать вмешательство в статутные нормы, что «вряд ли будет признано каким-либо международным судом» [12, с. 153]. Исползованные же в акте Второго кассационного суда общей юрисдикции и в новых актах судов первой и апелляционной инстанций правовые позиции Конституционного суда РФ хоть и аналогичны части правовых позиций Суда ЕАЭС, но сформулированы были гораздо ранее — в 2001 г.¹

Заключение

Ситуация с Консультативным заключением Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. стала свидетельством того, что не все консультативные заключения Суда ЕАЭС имеют одинаковый правовой эффект. Положительное восприятие органами ЕАЭС и его государствами-членами норм права Союза в толковании Суда ЕАЭС и трансформации соответствующих изначально рекомендательных позиций в нормы статутного права являются распространенными явлениями. В качестве объяснения этого могут быть использованы доводы о доверии субъектов мнению авторитетного органа интеграционного правосудия, об убедительности его аргументации, о статусе Суда ЕАЭС как главного юрисдикционного органа Союза. Вопреки этим доводам, Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г., содержащее толкование норм в сфере пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников органов ЕАЭС и запрошенное заявителями с целью использования его в качестве инструмента для разрешения спора в суде РФ, ожидаемого влияния на правотворческую или правоприменительную практику не оказало. Это указывает на сложность и дискуссионность правовой природы консультативных заключений Суда ЕАЭС.

Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г., равно как и иные консультативные заключения Суда ЕАЭС, с точки зрения правовой природы не аналогично решению (заключению) по преюдициальному запросу. Изложенное в нем толкование норм права Союза на сегодняшний день существует как рекомендательное обыкновение. Возникновение на его основе регионального правового обычая возможно при признании государствами — членами ЕАЭС обязательности применения соответствующих норм права Союза именно в прочтении Суда ЕАЭС. Учет в правоприменительной практике судов

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31809/?ysclid=mo0hpdos75760109695/ (дата обращения: 05.04.2026).

общей юрисдикции государств — членов Союза изложенного в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. толкования до его признания и трансформации в региональный правовой обычай зависит от судебного усмотрения. Оставление российскими судами данного толкования без внимания не является причиной обязательной отмены их актов в силу норм российского процессуального законодательства. Однако с этической точки зрения судьба Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 28 марта 2024 г. стала фактом несколько пренебрежительного отношения к функции Суда ЕАЭС по обеспечению единообразия применения норм Союза. Важно, чтобы данный факт оставался единичным и не трансформировался в устойчивую правоприменительную тенденцию.

Список литературы

1. *Исполинов А. С.* Консультативная юрисдикция международных судов: некоторые уроки для Суда ЕАЭС // Новые вызовы интеграции ЕАЭС: правовое измерение : сборник материалов международной конференции (Минск, 25–27 ноября 2020 г.). Минск : Колорград, 2021. С. 179–182. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46353491_94830605.pdf
2. *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС). М. : Юстицинформ, 2018. 312 с. ISBN: 978-5-7205-1472-3.
3. *Карлюк М. В.* Механизм обеспечения единообразного применения и толкования права в рамках европейской и евразийской интеграции // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов : сборник материалов международной конференции (Минск, 18–19 октября 2018 г.). Минск : Четыре четверти, 2019. С. 220–231. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/308137037.pdf>
4. *Лукашук И. И.* Источники международного права. Киев : [б. и.], 1966. 127 с.
5. *Мысливский П. П.* Исполнение актов Суда Евразийского экономического союза: обзор первых проблем и путей их решения // Журнал ВШЭ по международному праву. 2023. № 2. С. 42–53. EDN: JYJQYU. DOI: 10.17323/jil.2023.18188
6. *Мысливский П. П.* Исполнение решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза // Московский журнал международного права. 2021. № 3. С. 78–97. EDN: MOKDOI. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-3-78-97
7. *Нешатаева Т. Н.* Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 53–66. EDN: QOMYPN. DOI 10.21128/2226-2059-2018-1-53-66
8. *Нешатаева Т. Н.* Суд и право: евразийская интеграция. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 336 с. ISBN: 978-5-00156-141-5.
9. *Сейтимова В. Х.* Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права Союза и евразийской интеграции // Международные отношения и общество. 2019. № 3. С. 75–82. EDN: WYGRZK
10. *Скрипкина Г. А.* Практика Суда ЕАЭС как фактор совершенствования права Союза // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов. Сб. мат. Межд. конф. (Минск, 18–19 октября 2018 г.). Минск : Четыре четверти, 2019. С. 156–162.
11. *Смбатян А. С.* Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М. : Статут, 2012. 270 с. ISBN: 978-5-8354-0872-6.
12. *Толстых В. Л.* Консультативная функция международных судов // Вестник НГУ. Серия: Право. 2011. № 1. С. 149–157. EDN: NWZVDF
13. *Халафян Р. М.* Консультативные заключения суда ЕАЭС в механизме обеспечения региональной интеграции // Современное право. 2020. № 8. С. 122–128. EDN: LWLN XU. DOI: 10.25799/NI.2020.63.33.012
14. *Черняк Л. Ю.* К вопросу о соотношении понятий «обычай» и «обыкновение» в теории международного права // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 139–146. EDN: TEDPAD
15. *Oppenheim L.* International Law, a Treatise. Vol. 1–2. Lond., N. Y. : Longmans, Green, and co, 1905. 595 p.

Об авторе:

Пастушик Анастасия Владимировна, аспирант кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (Москва, Российская Федерация);
e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

References

1. Ispolinov, A. S. Advisory Jurisdiction of International Courts: Some Lessons for the EAEU Court // New Challenges of EAEU Integration: Legal Dimension : collection of Materials from the International Conference (Minsk, November 25–27, 2020) Minsk : Kolorgrad, 2021. P. 179–182. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46353491_94830605.pdf (In Russ.)
2. Ispolinov, A. S. Courts of Regional Integration Associations in the International Justice System (On the Example of the Court of the EU and the Court of the EAEU). Moscow : Justicinform, 2018. 312 p. ISBN: 978-5-7205-1472-3. (In Russ.)
3. Karlyuk, M. V. Mechanism for Ensuring Uniform Application and Interpretation of Law within the Framework of European and Eurasian Integration // International Justice and Strengthening Integration Processes. Mat. International Conference (Minsk, October 18–19, 2018). Minsk : Four Quarters, 2019. P. 220–231. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/308137037.pdf> (In Russ.)
4. Lukashuk, I. I. Sources of International Law. Kiev, 1966. 127 p. (In Russ.)
5. Myslivskiy, P. P. Execution of Acts of the Court of the Eurasian Economic Union: Review of the First Problems and Ways for Their Solution // HSE Journal of International Law. 2023. No. 2. P. 42–53. (In Russ.) EDN: JYJYU. DOI: 10.17323/jil.2023.18188
6. Myslivskiy, P. P. Execution of Judgments and Advisory Opinions of the Court of the Eurasian Economic Union // Moscow Journal of International Law. 2021. No. 3. P. 78–97. (In Russ.) EDN: MOKDOI. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-3-78-97
7. Neshataeva, T. N. Hearing Life: The Effect of Acts of an International Court in National Legal Systems // International Justice. 2018. No. 1. P. 53–66. (In Russ.) EDN: QOMYPN. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-1-53-66
8. Neshataeva, T. N. Court and Law: Eurasian Integration. Moscow : Norma : INFRA-M, 2024. 336 p. ISBN: 978-5-00156-141-5. (In Russ.)
9. Seitimova, V. H. The Role of Advisory Opinions of the EAEU Court in the Development of Union Law and Eurasian Integration // International Relations and Society. 2019. No. 3. P. 75–82. (In Russ.) EDN: WYGRZK
10. Skripkina, G. A. The Practice of the EAEU Court as a Factor in Improving the Law of the Union // International Justice and Strengthening Integration Processes. Mat. International Conference (Minsk, October 18–19, 2018). Minsk : Four Quarters, 2019. P. 156–162. (In Russ.)
11. Smbatyan, A. S. Decisions of International Justice Bodies in the System of International Public Law. Moscow : Statute, 2012. 270 p. ISBN: 978-5-8354-0872-6. (In Russ.)
12. Tolstykh, V. L. The Advisory Function of the International Courts of Justice // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Law. 2011. No. 1. P. 149–157. (In Russ.) EDN: NWZVDF
13. Khalafyan, R. M. Advisory Opinions of the Eurasian Economic Court in the Mechanism of Regional Integration Legal Enforcement // Modern Law. 2020. No. 8. P. 122–128. (In Russ.) EDN: LWLN XU. DOI: 10.25799/NI.2020.63.33.012
14. Chernyak, L. Y. Question of the Relationship Definitions “Custom” and “Usage” in the Theory of International Law // Siberian Law Herald. 2014. No. 4. P. 139–146. (In Russ.) EDN: TEDPAD
15. Oppenheim, L. International Law, a Treatise. Vol. 1–2. Lond., N. Y. : Longmans, Green, and co., 1905. 595 p.

About the author:

Anastasia V. Pastushick, Postgraduate Student, Department of International Law, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Moscow, Russian Federation);
e-mail: anastasia.pastushick@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Пастущик А. В., 2026